

И.В. Анисимова
Алтайский государственный университет
(г. Барнаул)

Политика России в решении «казахского вопроса» во второй половине XVIII века

К середине 50-х гг. XVIII в. «казахский фактор» стал играть в русско-китайских отношениях в Центральной Азии важную роль. Разгром Джунгарского ханства в 1755–1757 гг. изменил расстановку политических сил в этом регионе. Территория «последней кочевой империи» представляла теперь особый интерес как для Российского государства, так и для империи Цин. Китай приближает границы своих владений к Казахстану и Средней Азии. В это же время продолжается продвижение России на юг Сибири и в Казахстан, сопровождающееся колонизацией этих территорий, а также развитием сельского хозяйства и торговли, что отражало как общественные, так и государственные интересы России¹. Угроза поглощения этого региона Китаем была вполне реальной и могла быть нейтрализована лишь мощью России². Военная кампания цинских войск в Джунгарии в 1756–1757 гг. предусматривала расширение рубежей империи Цин на запад. Прекрасно знавшие политическую обстановку в степи чиновники Оренбургской губернской канцелярии А.И. Тевкелев и П.И. Рычков в 1758 г. с тревогой сообщали правительству о возможных затруднениях и опасностях на сибирских и оренбургских границах в том случае, если китайский император Хун Ли (девиз правления Цяньлун) в целях безопасности и прочности своего государства привлечет казахов на свою сторону³. В случае принятия казахами китайского подданства южные рубежи России, в основном не защи-

щенные, становились практически открытыми перед внешней опасностью, как со стороны Китая, так и со стороны непосредственно самих казахов, которые своими грабительскими набегами наносили значительный урон пограничным территориям России. Кроме того, Россия была заинтересована в освоении огромных территорий казахской степи, важных в плане российской азиатской торговли. Поэтому основной задачей российского правительства в Центральной Азии оставалось решение «казахского вопроса» в свою пользу. К тому же позиция, которой придерживалось цинское правительство в отношении казахов, не всегда содействовала повышению его престижа среди них. Цинские власти стремились подчинить казахов Среднего и Старшего жузов, зачастую запугивая и угрожая им в случае неповиновения вновь начать военные действия⁴. Одной из основных причин обострения казахско-китайских отношений являлся территориальный вопрос. С гибелью Джунгарского государства казахские владетели рассчитывали расширить свои кочевья за счет освободившихся земель. Однако эти устремления шли в разрез с намерениями Цинов. Хун Ли выступал против распространения казахских владений на земли, которые занимали ойраты до гибели их государства. Но сдерживать продвижение казахов на свободные земли цинское правительство было не в состоянии, настолько мощным было это движение⁵. Стремление Цинской империи закрепить свои позиции в Казахстане и Южной Сибири привело к конфронтации между ней и Россией. Цинский двор усматривал в России потенциальную помеху осуществлению своих захватнических планов⁶. Хотя внешне правительство России не реагировало на захват Джунгарии, но возникновение в непосредственной близости от Казахстана и Южной Сибири наместничества Синьцзян и попытки Цинов, опираясь на этот форпост, расширить сферы своего влияния в Центральной Азии вызывали серьезное беспокойство царской администрации. Продвижение Китая в Казахстан создавало угрозу не только для принявших российское подданство казахов и алтайцев, но и для русских поселений в Казахстане и на Алтае. Сведения о возможном наступлении цинских войск в Сибири, включение в завоевательные планы Цинов Кольвановоскресенских рудников и заводов делали необходимым осуществление ряда военно-оборонительных мероприятий, чтобы обезопасить юго-восточные рубежи⁷. На Иртышской, Кольванской и Кузнецкой

линиях, на протяжении примерно 3 тыс. км в 1750 г. насчитывалось около 10 тыс. человек регулярных и нерегулярных войск, что не отвечало потребностям пограничной безопасности. Сибирский губернатор В.А. Мятлев, донося в Коллегию иностранных дел о малочисленности русских войск в Сибири, просил о помощи и даже высказывал предложение начальству Кольвано-Воскресенских заводов отпустить часть рабочих для усиления крепостных команд. По мнению правительствующего Сената и Коллегии иностранных дел, сама система существовавших укрепленных линий в Казахстане и Южной Сибири находилась в неудовлетворительном состоянии⁸. Учитывая данные обстоятельства, в 1760 г. вышел указ Сената о сооружении крепостей от Усть-Каменогорска до Телецкого озера. Постройка «в удобных местах крепостей» нужна была, «дабы... тем лучше с тамошней стороны загородиться», так как отмечалось, что «китайцы... сомнительными соседями становятся»⁹. В 1761 г. была заложена Бухтарминская крепость. Построенная ранее Усть-Каменогорская крепость послужила основанием Кольвано-Кузнецкой, или Кольвано-Воскресенской, военной линии, созданной в 1759–1762 гг. Эта линия, огибая Алтайские горы, должна была защитить Южную Сибирь. 4 октября 1764 г. в Санкт-Петербурге состоялось специальное государственное совещание, посвященное обсуждению вопросов, касающихся донесений И.И. Шпрингера «о беспокойных на сибирских границах обстоятельствах», в результате которого был принят ряд решений об укреплении обороны границ Сибири, предусматривалось увеличение численности войск в некоторых крепостях.

Тем не менее к концу 60-х гг. XVIII в. обстановка на границах России с Китаем стабилизируется. Строительство военных линий и увеличение численности линейных войск являлось важным фактором в деле обороны Казахстана и Южной Сибири и создавало благоприятную обстановку для дальнейшего хозяйственного и культурного развития этих районов. Среди казахской знати все более усиливалось стремление к укреплению и расширению политических и экономических связей с Россией. Русские власти со своей стороны высказывали готовность и поощрение развитию русско-казахских отношений. Основой политики в отношении казахов во второй половине XVIII в. явился целый комплекс мероприятий социально-экономического характера. Для «найдалнейшего привлечения народа киргис-кайсац-

кого» была распространена практика выплаты казахским султанам «жалования» и подарков. Еще в 1749 г. указом Коллегии иностранных дел казахскому хану Нуралы за доброжелательное отношение к Российской империи назначено жалование в размере 400 рублей ежегодно, а также ежегодно выделялось 200 руб. на подарки волостным старшинам. В 1755 г. жалование хану было увеличено до 600 руб. В августе 1759 г. хану Аблаю из Петербурга была направлена грамота, из которой следовало, что ему выделялось ежегодное жалование в размере 300 руб., а также хлебное довольствие по 200 пудов муки в год. Волостным старшинам по указу Коллегии иностранных дел 1759 г. велено производить денежное жалование ежегодно по 100 руб. каждому и выделять подарки для старшин на сумму 500 рублей. Командовавшими на Сибирских линиях генералами было израсходовано на подарки казахам Средней орды ассигнованных с 1768 г. по 1778 г. — 4600 рублей и позаимствованных из Тобольской губернии в 1764—1777 гг. — 6534 руб. 80 коп.¹⁰ Велось активное строительство домов и усадеб для знатных казахов. Особое значение имело беспошлинное снабжение их хлебом. Для «приласкания» казахов указ Сената от 30 июня 1764 г. определил денежный фонд в размере 1000 руб. ежегодно «на трактирование и угощение» казахов, которые распределялись по крепостям Сибирской линии следующим образом: Преснегорьковская — 50 руб.; Железинская — 50 руб.; Бийская — 50 руб.; Ямышевская — 75 руб.; Семипалатинская — 75 руб.; Усть-Каменогорская — 100 руб.; крепость Св. Петра — 200 руб.; Омская — 400 руб. В ряде крепостей были основаны специальные меновые дворы (Семипалатинской, Преснегорьковской (1766 г.), Св. Петра (1766 г.)). В Ямышевской крепости учреждена пограничная таможня. В Омской и Железинской крепостях была организована торговля с казахами, при этом последние не платили пошлин и податей, их взимали с русских купцов. Хотя российская сторона фактически не имела материальной выгоды от учреждения данной торговли (зачастую в год собирали пошлин не более 500 рублей)¹¹, объем русско-казахской торговли в целом увеличивался.

Однако в это же время перед российским правительством возникает ряд проблем, связанных с активным миграционным движением казахов на территорию Тобольской и Томской губерний. Данные миграции были вызваны изменением геополитической обстановки в Цен-

тральной Азии. Значительное влияние на миграции в этот период оказывал и экономический фактор: земельная теснота и связанная с ней борьба за пастбища привели к перемещению части казахского населения. Часть казахов мигрировали в пределы Цинской империи, но одним из главных направлений миграции было Обь-Иртышское междуречье, в частности, территория Кольвано-Воскресенских заводов. Несмотря на стремление к развитию благоприятных отношений с казахами, русские власти были категорически против проникновения казахов в пределы Российского государства. В середине 50-х гг. XVIII в. правительством принят ряд мер с целью ограничить или даже запретить перекочевки казахов. В указе Военной коллегии от 17 декабря 1756 г. «о предосторожностях от киргиз» говорилось о необходимости «иметь предосторожность в тех местах, где большую опасность от набегов можно ожидать... на случай “нечаянного” по “легкомыслию и своевольству” киргизов нападения»¹². 31 декабря 1756 г. генералом Шпрингером, командующим войсками на сибирских линиях, была дана специальная инструкция комендантам крепостей Иртышской линии, в § 12–13 которой строго предписывалось не допускать казахов к левому берегу Иртыша на расстоянии 10, или по крайней мере 5 верст. Этим было положено начало так называемой десятиверстной полосе, которая тянулась узкой полосой по левому берегу Иртыша, вдоль Пресногорьковской линии. Десятиверстное пространство воспринималось как обоснованная мера, как своеобразная защита от нападения казахов. И.Ф. Бабков писал: «...приняв наше подданство, киргизы нисколько не стеснялись этим обязательством и не только продолжали грабить прилинейные станицы и форпосты, но и прорывались за Иртыш и грабили горнозаводские селения. Чтобы избавиться от такого самоуправства киргиз, командующий всеми сибирскими линиями генерал-поручик Шпрингер, придумал такое средство»¹³.

Указом Коллегии иностранных дел от 9 февраля 1764 г. казахам, ходатайствующим о переходе на внутреннюю сторону линии, объявлялось, чтобы они на «перепущение за линию не надеялись, потому что внутри российских границ кочевья быть не может и что если они когда впредь к переходу за линию усилятся станут, то придется употребить против них силу»¹⁴. Но данные предписания не выполнялись зачастую из-за слабости военных позиций в Южной Сибири.

Несмотря на ограждения, казахи с табунами неоднократно переходили на российскую сторону, без имеющегося на это разрешения, устраивали драки с препятствующими их перекочевкам казаками¹⁵, располагали свои кочевья на расстоянии 5–10 верст от крестьянских селений с табунами до 5–7 тысяч лошадей. В канцелярию Кольвано-Воскресенских горных заводов поступали многочисленные жалобы о переходе казахов через линию, на воровство, поджоги казенного сена, потраву конскими табунами крестьянских хлебов, набеги на русские селения¹⁶. В 1774 г. канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства сообщала командующему Иртышской линии о необходимости особой воинской части для недопущения казахов к заводским селениям¹⁷. Вплоть до конца XVIII в. вопрос об укреплении военной линии оставался открытым. В рапорте командующего Сибирским корпусом Густава Штрэндмана Павлу I от 14 февраля 1797 г. говорилось, что «...против здешних линий, называемых Тобольной, Ишимской и Иртышской, простирающихся на 1600 верстах... в степи кочуют киргиз-кайсаки, из которых иные, забывая долг верноподданничества, стараются ежегодно с наступлением весны и до самой осени жителям российским делать многообразные обиды и на пред сего случалось, что увлекали в плен и людей, а сие иногда производили и прорвавшись внутрь линии собравшимися разбойническими толпами, да и ежегодно с начала весны в разных местах и особливо против Тобольной и Ишимской линий бывают их скопища, состоящие иногда из тысячи и более человек...»¹⁸. Штрэндман писал о необходимости усиления численности войск, так как драгунские или пехотные пикеты служили для линейных и внутренних обитателей «от злодейских киргизских намерений наилучшим предохранением» и что в настоящее время важность данной стражи даже возрастает, поскольку «в орде той киргиз-кайсацкой от внутренних их ссор распространились междоусобные грабежи называемые баранты, время от времени оные увеличиваются и чрез то год от года становятся они беднее, а от того уже усугубляют свои дерзости на похищение людей или скота»¹⁹. Однако предпринимаемые ограничения не могли сдерживать передвижения казахов. Напротив, в 70-х гг. XVIII в. вопрос допускать ли казахов кочевать за линиями, где тогда было много свободных земель, принимает новый оборот. Развитие русско-казахских отношений, укрепление своего политического влияния в Казах-

стане требовало от российского правительства большей либерализации в решении вопроса о миграционном движении казахов. Постановлением Коллегии иностранных дел от 16 июня 1771 г. казахам было разрешено переходить через Иртыш вместе с конскими табунами, но при условии располагать свои кочевья от российских селений и дорог на расстоянии не менее 25 верст и особенно в отдалении от Кольвано-Воскресенских заводов. За исполнение данного указа отвечали местные оренбургские и сибирские власти, назначавшие для этого в качестве смотрителей казахов из близлежащих крепостей. Разрешением для перехода на российскую сторону р. Иртыша для казахов являлась подписка о перекочевке и представление аманатов, которые брались в залог их мирного поведения. Никаких других ограничительных мер для перекочевки казахов российская администрация тогда не вводила. Платы за кочевание не бралось никакой до 1800 г., когда по ходатайству генерала Нефелева было решено взимать с казахов за кочевание в сибирских пределах по 1 голове со ста штук скота для ремонта драгунских полков и на содержание госпиталей (так называемая «ремонтная пошлина»).

В дальнейшем центральная администрация закрепляла за казахами право кочевания в российских пределах. Указом от 5 июня 1788 г. предписывалось удовлетворять прошения старшин и султанов на переселение «из дальних степей во внутреннюю Российскую сторону» при условии размещения переселенцев «не в весьма близком один от другого расстоянии». Указ от 30 сентября 1797 г. разрешал всем казахам селиться внутри Империи, чем тотчас же воспользовалось множество (больше 15000 кибиток) казахов Среднего жуза, перешедших на правую сторону Иртыша, где они и заняли все свободное пространство Кулундинской степи, расселившись в некотором расстоянии от земель Сибирского казачьего войска, но вблизи многих крестьянских селений Тобольской и Томской губерний. Правительство, жалуя этих казахов грамотами, дававшими им право на занятую землю, никакого устройства у них не вводило и податями или какими-либо государственными повинностями их не облагало²⁰. Разрешение впускать киргиз Средней орды за Иртыш для кочевания на свободных сибирских землях было подтверждено указом от 23 июля 1798 г. «о даче убежища переходящим из Средней киргиз-кайсацкой орды и вступающим в российское подданство султанам и старшинам

с их кибитками», в котором за казахами закреплялось право кочевать между Омской и Семипалатинской крепостями на правом берегу Иртыша²¹. При этом указом от 7 октября 1799 г. было решено не взимать пошлины с имущества казахов, как вступивших в подданство и перешедших в пределы России, так и в других подобных случаях²².

Таким образом, происходящие во второй половине XVIII в. изменения в расстановке политических сил в Центральной Азии внесли существенную корректировку в развитии русско-казахских отношений. Растущее экономическое и политическое влияние России благоприятствовало быстрому освоению земель Южной Сибири и Казахстана, и что более важно, преимущественно мирным путем. В русско-китайском соперничестве за укрепление позиций в казахских степях превосходство Российской империи к началу XIX в. становилось все более заметным. Неуклонно возрастал общий объем русско-казахской торговли через Семипалатинскую, Усть-Каменогорскую и Ямышевскую крепости. По данным, относящимся к концу XVIII в., с Китаем торговало 15 отделений 3 казахских родов с общей численностью 105 тысяч семей. В то же время с Россией вели торговлю казахи 220 отделений 40 родов с общей численностью до 300 тысяч семей²³. Во второй половине XVIII в. российское правительство столкнулось с мощным миграционным движением казахов. Либеральная позиция русских властей в процессе регламентации данного движения исходила из экономических и политических приоритетов России, но совершенно не учитывала интересы администрации Кольвановского округа. В дальнейшем, на протяжении всего XIX в. процесс правового урегулирования миграции казахов станет одной из актуальных задач, стоящих перед Горным округом. В целом, политика российских властей второй половины XVIII в. способствовала укреплению русско-казахских отношений и реальному вхождению Казахстана в состав России.

Примечания

- ¹ Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 66.
- ² Кадырбаев А.Ш. Казахстан в «восточной политике» России XVIII — начала XX веков // Казахстан — спектр. 1998. № 2. С. 110–113.

- ³ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961. С. 553–554.
- ⁴ Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX вв. Ч. 2. Алма-Ата, 1989. С. 57.
- ⁵ Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX веков). Новосибирск, 1983. С. 70.
- ⁶ Кузнецов В.С. Указ. соч. С. 29.
- ⁷ Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX вв. М., 1983. С. 192.
- ⁸ Гуревич Б.П. Указ. соч. С. 103–104.
- ⁹ Там же. С. 195.
- ¹⁰ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 52.
- ¹¹ Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. С. 38, 108–109.
- ¹² Крафт И.И. Указ. соч. С. 125.
- ¹³ Бижигитова К. Военно-казахья колонизация Степного края в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории Казахстана. Алматы, 2000. С. 74–75.
- ¹⁴ Крафт И.И. Указ. соч. С. 103.
- ¹⁵ Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX вв. Ч. 2. Алма-Ата, 1989. С. 58
- ¹⁶ Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 434. Л. 107–109, 113, 116, 118.
- ¹⁷ Государственный архив Омской области (далее — ГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 190. Л. 177–177 об.
- ¹⁸ ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–1 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 1 об.
- ²⁰ Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Часть I. Область сибирских киргизов. СПб., 1868. С. 96.
- ²¹ Крафт И.И. Указ. соч. С. 139.
- ²² Там же. С. 140.
- ²³ Кузнецов В.С. Указ. соч. С. 39.